

П. Н. БЕРКОВ

К истории русского театра 1720-х годов

(„Диалог о Гофреде, победившем сарацины“)

О „Публичном театре при Московской гошпитале“, действовавшем с конца 1722 года по меньшей мере в течение 20 лет, в советской литературной и театроведческой науке известно очень немного. Наиболее полные сведения об этом театре собраны в статье С. А. Щегловой „Неизвестная драма о смерти Петра I“.¹ На основании доступных ей материалов С. А. Щеглова указала пять пьес, входивших в репертуар „гошпитального театра“ в 1723—1742 годах.

Странным образом из поля зрения исследовательницы выпала безусловно известная ей пьеса „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“, находящаяся в той же самой рукописи, по которой С. А. Щеглова издала „Славу печальную“.

Рукопись эта, прежде хранившаяся в Рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР (под шифром 19.2.30) и затем, в 1930 году, переданная в Институт русской литературы (Пушкинский Дом),² представляет тетрадь обыкновенного формата белой нелинованной бумаги с водяными знаками, употреблявшимися в конце 1720-х, начале 1730-х годов.³ Внизу первой страницы тетради почерком середины XVIII века написано: „Из книг Александр Ригельмана“. А. И. Ригельман (1720—1789) был видным военным инженером середины XVIII века; в последние годы жизни, поселившись в своем имении близ Чернигова, он написал ряд работ по украинской истории; некоторые из них были после его смерти напечатаны.⁴ Следующим, известным нам, владельцем руко-

¹ Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 376—383; на стр. 383—404 напечатан текст драмы „Слава печальная“. Еще раньше сводку печатных известий о спектаклях при госпитальной школе дал А. Н. Алелеков в своей „Истории Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России (1707—1907)“ (М., 1907, стр. 120—122). С. А. Щеглова, как и А. Н. Алелеков, использовала сведения Ф. В. Берхгольца, М. И. Соколова и Я. Штелина. Обо всех этих источниках см. далее в настоящей статье.

² Теперешний шифр хранения: Р. II, оп. 1, № 380.

³ С. А. Клепиков. Флигранны и штампы бумаг русского производства XVIII—XIX вв. Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 13, М., 1952, стр. 83 (№ 158), 118 (№ 28), 120 (№ 28).

⁴ О А. И. Ригельмане см.: Русский биографический словарь, том „Рейтерн—Рольцберг“, СПб., 1913, стр. 180—181, а также статьи: Анат. Ершов. 1) „Летописное повествование о Малой России“ А. Ригельмана и „Краткая летопись о Малой России“ видана Рубаном. Записки Ніженського ІНО, 1927, кн. VII, стр. 178—193; 2) Сторінка з українського джерелознавства. (До питання про літописні джерела праці А. Ригельмана „Летописное повествование о Малой России“). Ювілейний збірник на честь акад. Д. І. Багалія, Київ, 1927, стр. 841—848.

писи был В. П. Науменко (1852—1919), редактор журнала „Киевская старина“,¹ к которому этот сборник пьес XVIII века попал, повидимому, после смерти Н. А. Ригельмана (ум. в Киеве в 1888 году), внука А. И. Ригельмана. На первой странице рукописи есть карандашная пометка: „1916 от В. Науменко“.

Первая часть рукописи (лл. 1—21) занята драмой „Слава печальная“, с л. 22 по л. 32 об. идет „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“; все последующие листы сборника (лл. 33—47 об.) чистые.

„Диалог о Гофреде“, насколько можно установить по существующим библиографиям русской и украинской школьной драмы, печатным и рукописным, — драматическое произведение, до сих пор не известное. Текст его дошел до нас не в полном виде: в рукописи сохранился полностью первый акт (8 сцен) и 3 сцены второго. Рукопись обрывается заголовком: „сцена 4 и кустодом Гигас“,² означаящим, что лист 33 начинался репликой или монологом Гигаса, уже выступавшего во второй сцене того же акта.

То обстоятельство, что „Диалог о Гофреде“ переписан тем же, так называемым „украинским“ почерком, что и „Слава печальная“, может служить основанием для предположения, что обе пьесы восходят к репертуару одного и того же театра или являются произведениями одного и того же автора; не исключена возможность, что правильны оба предположения.

Поскольку о драме „Слава печальная“ по ее пространному заглавию совершенно точно известно, что она „плачевною трагедиею изображена плачевно на феатре публичном в Московской гошпитале чрез хирургической науки учеников 1725 году декабря в 26 день“,³ то естественно предположить, что и „Диалог о Гофреде“ является пьесой из репертуара гошпитального театра.

Из скудных материалов, относящихся к этому театру, известно, что по возвращении Петра I из персидского похода в 1723 году Н. Бидлоо, стоявший во главе Московской гошпитали и находившейся при ней школы, устроил в честь царя комедию.⁴ Однако и Чистович и другие авторы, писавшие об этом спектакле, переносили действие на несколько более позднее время: на самом деле в Москву из персидского похода Петр возвратился 18 декабря 1722 года.⁵ Камер-юнкер герцога голштинского Ф. В. Берхгольц, живший в то время в России, в своем подробном дневнике сохранил сведения и о торжественном въезде Петра в Москву в декабре 1722 года и о посещении им 29 декабря спектакля в гошпитальном театре. Какая пьеса ставилась в этот раз „хирургической науки учениками“, Берхгольц не сообщил. В следующее свое посещение, 4 января 1723 года, он видел пьесу, которую назвал „Историей Александра Македонского и Дария“.⁶

¹ О В. П. Науменко см.: „Україна“, 1924, № 3, стр. 187.

² Гигант (лат.).

³ Рукопись ИРЛИ (Р. II, оп. 1, № 380, л. 1); Труды ОДРА, т. VI, стр. 383.

⁴ И. Рихтер. История медицины в России, т. 3. М., 1820, стр. 100. — Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, приложение, стр. XC. — Русский биографический словарь, том „Бетанкур—Бякстер“, СПб., 1908, стр. 35. Все эти сведения восходят к „Дневнику“ Ф. В. Берхгольца, на который ссылается И. Рихтер и о котором см. ниже.

⁵ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1852, стр. 579. У С. М. Соловьева (История России. Изд. „Общественная польза“, СПб., 6. г. т. IV, табл. 679) указано 13 декабря 1722 года. Ср. И. И. Голиков. Деяния Петра Великого. Изд. 2-е, М., 1838, т. VIII, стр. 314.

⁶ Дневник камер-юнкера Ф. Берхгольца с 1721 по 1725 г. Изд. „Русского архива“, М., 1903, ч. III, стр. 7.

Если принять во внимание, что Петр только что возвратился с триумфом из персидского похода, вполне естественно, что на сцене гошпитального театра должна была идти пьеса, сюжет которой в какой-то мере был связан с недавними событиями. Таким образом, пьеса о победе, одержанной Александром Македонским над персидским царем Дарием, являлась живым откликом на победы Петра в Персии.

Принято считать, что „История об Александре Македонском и Дарии“ до нас не дошла. По крайней мере, о ней нет упоминаний в „Библиографии русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв.“ В. П. Адриановой-Перетц,¹ а также в картотеке Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Однако я всё же полагаю, что эта пьеса, хотя и не в первоначальном своем виде, до нас дошла и именно она была опубликована В. П. Адриановой-Перетц в сборнике „Старинный театр в России XVII—XVIII вв.“ (Пбг., 1923, стр. 109—142).²

Пьеса эта озаглавлена „Диалог в тферской семинарии бывый июля 8 дня“, главное действующее лицо в ней — Александр Македонский, а в явлении III выступает и Дарий. Повидимому, данная пьеса представляет переработку старой пьесы о тех же лицах и, может быть, даже и не один раз сделанную: явления V и VI совершенно явственно свидетельствуют, что пьеса ставилась при Петре II, явление же VII говорит уже о времени Елизаветы. Кроме того, Берхгольц сообщал, что пьеса об Александре Македонском и Дарии состояла из 18 действий и ставилась два дня подряд, по 9 действий каждый день. Вероятно, Берхгольц имел в виду не действие (акт), а явление. Так, драма „Слава печальная“ состоит из антипролога, пролога, 7 явлений (первое названо по-латински scaena prima) и эпилога; драма „Слава Российская“, ставившаяся в том же гошпитальном театре в 1724 году, состоит, кроме антипролога, пролога и эпилога, из 2 действий, из которых в первом 6, во втором 3 явления; все они имеют как латинское название scaena, так и русское. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в сборнике, в котором обнаружена драма „Слава Российская“, эта пьеса названа „Диалог действием персональным в Московской гошпитале... изображенный в 1724-м году“.³

С. А. Щеглова высказала не лишнее основание предположение, что драмы „Слава Российская“ и „Слава печальная“ принадлежат одному автору — Федору Журовскому, „ученику хирургической науки“.⁴ Во второй пьесе, по мнению исследовательницы, Ф. Журовский „несколько усовершенствовал свое уменье“.

Может быть, и „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“, и „Диалог о Александре Македонском и Дарии“ (так, полагаю, называлась первая редакция драмы, переработанной в Тверской семинарии) также принадлежали Ф. Журовскому. Напомню, что „Слава Российская“ в рукописи также называется „Диалогом“.

Печатаемый ниже „Диалог о Гофреде“ тематически близок к событиям персидского похода: победа над магометанами-персами легко ассоциировалась с победами Гофреда над сарацинами. В этой пьесе отразились надежды на продолжение борьбы с мусульманскими народами. Самое

¹ Сб. „Старинный спектакль в России“, Л., 1928, стр. 184—197.

² Другой более полный текст этой пьесы под названием „Опера о Александре и Дарии“ опубликован О. М. Бадаличем в работе „Споменици руске школске драме јелисаветинскога времена“ (Оттиск из „Споменика Југо-славјанској академији“, т. 67, Загреб, 1927).

³ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1892, кн. II, Материалы историко-литературные, 2 стр. XII—XIII.

⁴ Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 382.

избрание исторической темы свидетельствует о достаточной культуре автора и о его знакомстве с основными фактами первого крестового похода под руководством Готфрида Бульонского. Ему известно и выступление пустытника Петра Амьенского, который в „Диалоге“ назван Пустелником, и отвлечение крестоносцев от цели похода богатствами стран, через которые лежал их путь (это отразилось в пьесе в монологе Роскоши), и т. д.

В „Славе печальной“ только первое явление названо сценой; в „Диалоге о Гофреде“, как и в „Славе Российской“, все явления называются сценами. Рифма в этой пьесе довольно однообразная и бедная, большей частью глагольная. Почему-то полюбилась автору рифма „серы — стрелы“; ее он употребляет чрезвычайно часто. Ряд стихов не полон, не имеет обязательных 13 слогов; другие стихи, напротив, содержат 14 слогов. Впрочем, возможно, это следует отнести за счет переписчика, который недостаточно разобрался в рукописи, как видно из недописанных в двух местах стихов, которые на полях обозначены крестиками, из нескольких стихов, сперва пропущенных, а затем написанных на полях, наконец, из ряда слов, вписанных позднее тем же почерком, но другими чернилами.

Таким образом, перед нами не оригинал, а копия, и, как указано выше, незаконченная. Тем не менее, данная пьеса и в таком виде представляет для нас интерес: она свидетельствует о культурном уровне ранних русских драматургов, говорит об их политических интересах, характеризует их театральные вкусы, их стремление в меру своих сил и умения разрабатывать историческую, но понятную их современникам тематику.

Полагаю, что „Диалог о Гофреде“ является первым или во всяком случае одним из первых драматических произведений Ф. Журовского и что ставилась эта пьеса 29 декабря 1722 года.

Сравнение почерка рукописи „Славы печальной“ и „Диалога о Гофреде“ с факсимиле рукописи „Славы Российской“, приложенным к изданию этой пьесы проф. М. И. Соколовым, приводит к выводу, что они писаны разными лицами.

В заключение считаю целесообразным присоединить собранные мною данные о Федоре Журовском, первые сведения о биографии которого были сообщены более 60 лет назад М. И. Соколовым в предисловии к публикации „Славы Российской“. С тех пор было издано около 20 томов „Описания документов и дел, хранящихся в архиве Синода“, сверх тех 7 томов, которыми мог воспользоваться М. И. Соколов в 1892 году. В ряде томов этого издания находятся материалы, дополняющие и уточняющие сведения, которыми располагал М. И. Соколов; кое-что из существовавших печатных материалов не было им учтено.

Федор Журовский родился, повидимому, в самом начале XVIII века, а может быть, и в конце XVII века.¹ Происходил он, по указанию Н. И. Петрова, из Украины.² Подтверждением этого указания может

¹ В 1721 году он был направлен в лекарскую школу при Московском госпитале либо после окончания Славяно-греко-латинской академии, либо из последнего класса — „богословии“, т. е. когда ему было около 20 или даже за 20 лет.

² Н. И. Петров. Значение Киевской академии в развитии духовных школ в России с 1721 г. и до половины XVIII в. (оттиск из „Трудов Киевской духовной академии“, 1904, № 5). Киев, 1904, стр. 24. Указанные Петровым в примечании 3-м источники не отвечают действительности; должно быть, при наборе его работы произошла ошибка, в результате которой к Ф. Журовскому было отнесено примечание 3-е, вместо 2-го, где дана ссылка на „Историю Славяно-греко-латинской акаде-

служить то обстоятельство, что в 1737 году Журовский, будучи уже иеромонахом, просил Синод „отпустить его в Киево-Печерский монастырь на прежнем его обещании“ (разрядка моя, — П. Б.).¹ Как известно, выражение „прежнее обещание“ означало, что, будучи отправлен из своего монастыря в какой-либо другой, монах покидал свою обитель при условии возвращения в нее через определенное или неопределенное время. Впрочем, слова „на прежнем его обещании“ могут означать не то, что он был постриженным монахом Киево-Печерской лавры, а что он был студентом Киево-Могилянской академии, находившейся при лавре.

В одном из печатных документов 1734 года глухо указано, что Федор Журовский жил „при доме царевны Марии Алексеевны“.² Когда и в качестве кого жил он там, не сказано. Возможно, что это было до его поступления в Славяно-греко-латинскую академию, а может быть, эти сведения и вовсе неправильны и были даны, как будет показано ниже, с определенной целью.

Во всяком случае, точно известно, что в 1721 году Ф. Журовский был направлен из Славяно-греко-латинской академии „учеником в Московскую гошпиталь для научения хирургическим наукам“.³ Из материалов, собранных М. И. Соколовым, видно, что в гошпитальной школе Ф. Журовский выделялся среди прочих учеников, его имя упоминается в ряде документов на первом месте, большая часть бумаг, писанных в гошпитале в 1720-е годы и хранящихся в архиве Синода, написана, по наблюдению М. И. Соколова, почерком Журовского; это делает правдоподобной мысль М. И. Соколова о том, что Ф. Журовский был одно время гошпитальным писцом.⁴

В 1727 году Ф. Журовский окончил обучение в гошпитальной школе, после экзамена получил звание лекаря (в списке окончивших его имя на первом месте) и был откомандирован, по распоряжению Синода, в Рязань для наблюдения за болезнью епископа рязанского и муромского Гавриила (Бужинского), одного из просвещеннейших духовных лиц того времени, известного переводчика и проповедника. Однако Медицинская канцелярия потребовала возвращения Журовского из Рязани для отправки его в „низовые гарнизоны“, т. е. в города по нижнему течению Волги. О вызове лекаря Журовского в Москву, где тогда находился двор и все правительственные учреждения, был послан указ Гавриилу. Тот ответил, что Журовский месяц назад выбыл в Москву. Позднее Медицинская канцелярия, которой стало известно, что Журовский попрежнему находится в Рязани, снова потребовала его возвращения для отсылки в Астрахань. Гавриил повторил прежний свой ответ, но Журовский так и не явился в Медицинскую канцелярию, где ему угрожало наказание за уклонение от исполнения приказа начальства и в довершение всего отправка в далекую и малопривлекательную по своим тогдашним санитарным условиям Астрахань.⁵

ми“ С. К. Смирнова (М., 1855) без обозначения страницы. У Смирнова на стр. 198 упоминается иеромонах Феофилакт Журовский.

¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода, т. XVIII, стлб. 321 (в дальнейшем этот источник обозначается сокращенно: ОДИДАС).

² ОДИДАС, т. XIV, стлб. 25. Царевна Мария Алексеевна, сестра Петра I, умерла в 1723 году.

³ Там же, т. X, стлб. 1314.

⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1892, кн. II, Материалы историко-литературные, 2, стр. XX, XXI и XXIII.

⁵ ОДИДАС, т. VII, стлб. 57—58; ср.: Я. Ч и с т о в и ч. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 60—61.

И вот, чтобы избежать этого, Журовский принял решение постричься в монахи. При соблюдении всех требований, предъявлявшихся в то время к желавшим постричься, Журовский должен был провести в монастыре три года для испытания, но, если бы Медицинской канцелярии стало известно его местонахождение, его как не-монаха должны были бы удалить из монастыря и отдать под суд. Поэтому Ф. Журовский отправился в Саровскую пустынь, где принимали в монахи без соблюдения правил, пожертвовал в монастырскую казну „два слитка серебра, весом фунта с два“ и был пострижен „в монахи строителем Иоанном с наречением Феофилактом“.¹ Как лицо, окончившее Славяно-греко-латинскую академию и имевшее право на священство, Журовский был пострижен не в простые монахи, а в иеромонахи. Вероятно, чтобы скрыть от бдительного ока Медицинской канцелярии свое отношение к лекарю Ф. Журовскому, принимавший монашество указал, что раньше он жил „при доме“ царевны Марии Алексеевны.

Через несколько лет, когда правительство при Анне Иоанновне переехало из Москвы в Петербург, Журовский уже как иеромонах Феофилакт поселился в Заиконоспасском училищном монастыре (Славяно-греко-латинской академии), где с 30 августа 1732 года по 12 декабря 1733 года временно исправлял должность ректора и настоятеля монастыря.² Следует отметить, что ректорство Ф. Журовского совпадает со временем обучения в „заиконоспасских школах“ М. В. Ломоносова.

В дальнейшем Ф. Журовский продолжал жить в Москве. Последние сведения о нем относятся к 1741 году.³

Если верны предположения М. И. Соколова, С. А. Щегловой и мои, то в лице Федора Журовского мы имеем одного из плодovitейших „школьных“ драматургов 1720-х годов: ему можно приписать „Диалог о Гофреде“, „Диалог о Александре Македонском и Дарии“, „Диалог Слава Российская“, „Славу печальную“.

Возможно, что его перу принадлежат и некоторые интермедии. Во всяком случае, интермедия „Цыган и лекарь“, опубликованная Н. С. Тихонравовым в „Летописях русской литературы и древности“ (М., 1859, т. II, отд. 2, стр. 40—42), а может быть, и известная „Шутовская комедия“ связаны с „Московским публичным театром хирургической науки учеников“: слишком уж хорошее знакомство с тогдашней медицинской терминологией обнаруживается в этих произведениях.

Диалог о Гофреде, победившем сарацины

Антипролог

л. 22

Азия низверженна с престола под сарацинскую⁴ с обнаженным мечем лежит рукою, место креста луну содержит; Европа от запада на престоле смотря сидит, а при ея ногама воины храбрые лежат. Воин некто Европы видит Азию, под мечем сарацинским лежащую, и крест христов, возбуждивши прочих бросится на сарацина и уби его, Азию же на престоле первым посади.

¹ ОДИДАС, т. XIV, стлб. 25.

² С. К. Смирнов. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 198; ср. ОДИДАС, т. XII, стлб. 485 и 492. К сожалению, т. XIII ОДИДАС, где могли быть документы, связанные с Журовским, в свет не вышел.

³ ОДИДАС, т. XVIII, стлб. 321. В книге И. Чистовича „Феофан Прокопович и его время“ (СПб., 1868, стр. 530) упоминается заступничество Феофилакта Журовского за А. Барсова, бывшего директора Синодальной типографии, арестованного в 1732 году Тайной канцелярией.

⁴ В рукописи сарацинского.

Акт 1

Сцена 1

Ревность

Паде благочестие злата диадима
 паде церквам восточным красота любима
 Гордою супостатов ногою поприанна,
 вместо злата железом люте окованна.
 Увяде крыи прекрасный в руках сарацына,
 погуби всю красоту слепота едина.
 л. 22 об. Сим восточная Азия была упещренна,
 ныне же сам[а] увяде тая низверженна,
 Низверженна в работу, где ныне стенает,¹
 яко свободителя не имать, рыдает.
 Похвала верным уже уже и упраз[д]ниися,
 неверствию супостат лютых покорися,
 Егда благочестие вспомяну, рыдаю,
 от прегор[ь]кой болезни сердцем увядаю.
 Яко колико прежде была прославленна,
 толико от супостат ныне вничтоженна.
 Когда бы мне мужества² прекрепкая сила,
 вскоре бы аз адское племя разрушила.³
 Дабы мне на престол ю паки посадити
 и прежнею честию, як была, почтити,
 Уже бо не жаль сыну, егда поруганна
 будет мать, от кого узами связанна.
 Мать верных Азия, кто ж не возрыдает,
 яко ея супостат ныне обладает.

Благочестие

В работу мя адская принуди держава
 сарацинов неверных, и где ж будет слава
 Моя? сама же как я буду процветати,
 егда мне в нужде враг мой велит пребывати.
 Не дает мне ни мало солнца зрети света
 и тако вижду бедной жити многа лета.
 л. 23 Помози, о Ревность, да свободна буду!
 да имени своего во вся не забуду.

Ревность

Потерпи мало, пошлет бог тя свободити,
 твоих супостатов гордых разорити.

Вера

Доселе пребываю зело утесненна
 в неверствии рыдая, смертне уязвленна
 И не вею, доколь буду в сей нужде мучима,
 доколь в бедах, в теснотах буду одержима;

¹ В рукописи стенает.

² В рукописи мужество.

³ В рукописи разрушили.

Кто мя свободит, веру, в неверствии сушу,
 помощи ниоткуда бедной неимушу?
 Аще кто верный христов сей мя освобождает,
 сей мя от лютых врагов сарацин спасает.
 Егда бо так на долзе буду пребывати,
 и в прегор[ь]кой работе век свой скончевати,
 Не имам нарещися яко есмь христова,
 и умрети за его не буду готова.
 Яко мя в неверствие имать превратити,
 аще не пошлет мя бог кого свободити.
 Уста мне супостат мой всегда заграждает,
 узами железными руже истесняет,
 Уста — христово имя да не похваляют,
 руже же — крест на главу да не подвизают.
 л. 23 об. Словом вся утесненна бедна пребываю,
 и кто мене от сих уз исторгнет, не знаю.

Сцена 2

Гофред

Уже пременение ныне рассудите,
 холм низиною, холмом же низину зрите.
 Прежде Азия холмом была вечной славы
 и ныне низиною глубокой неславы.
 Луна ю прегордого врага низложила
 с престола, и под свои нозе покорила.
 Прежде страх, прежде трепет была сарадину,
 ужасе окрестную страну не едину.
 Ныне же сама в страсе бедна пребывает,
 низверженна под мечем супостат ругает.
 Тем скорбь мне не малая, яко повергает низу
 с престола враг Азию, раздирая ризу
 На ней благочестия, и веры святая
 одевающий в любовь божию благия
 Скорбь, зане супостату сего не довлеет,
 яко Азию в руках верную имеет,
 Яко неверствием [ю] всюду утесняет,
 яко ругающесе сердце ей пронзает.
 Но еще знамения Христа бога смерти
 восхоте. О болезни! вся тыя пожерти,
 Где и ныне стражею верным запрещает,
 видети, лобызати. Сам не почитает.
 л. 24 Егда вспомяну, яко враг землю расширяет,
 веру же неверствием своим¹ прогоняет,
 Яко благочестие зело утесненно,
 яко солнце луною веры потемненно,
 Сердце в себе от тяжкой скорби растерзаю,
 многажды размышляя сие, унываю.
 Не хошу оставити Азию рыдати,
 не допущу² христову и веру ругати
 Супостатом, точию прежде всветую

¹ В рукописи свою.

² В рукописи не допущу.

свободять ли вскоре от врага святую
Землю

(Зде придут советники. До советников глаголет)

Доселе в неверствии вера пребывает,
доселе Азию сей враг обладает,
Жаль мне веры верному, что ж начну творити,
златом ли или мечем сию искупити.
Советуйте!

Советник 1

За веру житие свое полагают,
не златом, но мечем тую свободяют;
Тую¹ орудием верный свободяет,
паче главу, не злато за ню полагает.

[Советник] 2

Мню, яко тебе веру свободити,
тебе за ню на брани главы положить,
За веру прежде кровь свою проливали,
неверным ругати врагом не давали.
л. 24 об. И ныне свободить что воспящает,
кий страх со врагом брань творить запинает.

[Советник] 3

Собственно есть землю верным обладати
восточною; врага же отуду прогнати,
Несть бо там причастия ко зрачному свету,
ни луне темнотной ко солнцу ответу.
Аще же земля будет святая попрагна,
врагом благочестие, вера поруганна,
То будет причастие. Луна будет тмою,
солнце веры христовой пребудет луною.²
Мы будем неверствия во мраце ходити,
аще не потщимся луну сокрушити.

[Советник] 4

Мечем, глаголет Курций, не златом бывает
брань; тем тебе, да себе всяк приуготовляет
За веру; ю же златом нам не искупити,
разве житие свое за ню положить.

[Советник] 5

За веру, за здравие, ритор повествует,
брань должно есть творити, тем же всяк готует
Орудия на брань своя; где себе не жалеет,
аще веру в памяти и сердце имсет.

¹ В рукописи тем не.

² В рукописи луною.

[Советник] 6

- Не славы, чести ради, страха не боимся,
за веру и умрети все не постыдимся.
- л. 25 Цит крест всем верным, крест есть сила и держава,
в нем наше есть мужество, над врагами слава.
Тем во имя христово дерзай ты прогнати
сарацинов прегордых з земли благодати.
Благодать бо христова тамо не бывает,
где грех, смерти прегор[ь]кой жало, обладает.

[Советник] 7

Неверным ли остави знаменья смерти
своея Азии бог, ю же враг пожерти
Восхоте ныне, кто же тебе отдаст в руки,
аще сами со врагом не пойдем на муки.
И потщимся Азию прежде свободити,
потщимся неверствия от уз разрешити.

[Советник] 8

Кто отчества своего сердцем не желает?
почто ж отчеством верных враг наш обладает?
От земли сея отец Христос вознесся,
нам по отце тая всем верным дадеся.
Тем же не должны есте веру оставляти,
паче должны на врага брань уготовляти.
Бог Давиду дал силу крепко победити
Голиада дать к тебе неверна стрелити.

[Советник] 9

- Кто от врагов веру может свободити,
и вси¹ ея тяжкия узы низложити,
Неверный торжествует, яко поруганна
в темнице неверствия сидит окованна.
- л. 25 об. Тем точию предлежит веры не забытьи,
мечем, огнем от врагов вскоре свободити.

[Советник] 10

Аще оставим веру во узах стени,
не должны уже себе верных нарицати.
Верны[й] бо яко веры не отвергает,
паче за ню умрети всем сердцем желает.
Огнь, ни вода верному, ни ужасны серы,
ни ядом исполненни летящие стрелы.
Кая ж вина оставить веру принуждает,
кий страх свободить сию от враг воспящает.

Пустел[ь]ник

Не брани, но покоя свойство мне желати,
понеже покой всем есть возлюбленна мати.

¹ В рукописи вси.

Но егда тебе ныне о брани глаголю,
 тако устрояюща бога творю волю.
 Чтось внутрь сердца толкну мя, в пустыне сидяща,
 о житии пребедном во уме мысляща:
 „Иди, рци Гофреду, брань [да] уготовляет,
 орудия на врага вскоре изошряет.
 Низведет на радость христову стенащу
 веру, в неверствии много лет сидящу.
 Кто ж брань не сотворит и брань кровоточну
 церковь, веру христову свободит восточну.
 Явственно видим, яко веры поношает,
 сарацин неверствием люте утесняет.
 л. 26 Тебе бог храбрость, крепость даде и державу,
 великодушие и во всем мире славу,
 Тем ты вере христовой не даждь погибати,
 не даждь благочестию святу упадати.

Сцена 3

Furia 1

Помышляют лютая на адское племя,
 но не вем, будет ли им разорити время.
 Хотят сарацина, нам верна, истребити.
 но ад весь потщится его сохранить.
 Братия, что сотворим, да его держава
 не погибнет до конца, процветет же слава
 Наша; советуйте все, советуйте, чада,
 да все племя от верных не погибнет ада.

Furia 2

Всуе трудятся, силы подвизают,
 на сарацина меч свой изошряют.
 Мы ему поможем против верных стати,
 самого от рук наших не допустим взяти.
 Аще бы всю силу нам пришло изнурити,
 не дамо, не дамо верным его похитити.
 Куды-нибудь восхотят к нему приставати,
 мы везде пути готовы верным запинати.

[Furia] 3

Аще бы сила наша вес[ь]ма не довлела,
 сарацина же от рук пустить бы имела,
 л. 26 об. До Люципера ада вскоре посылати,
 он лютейших нам пришлет помоществовати.

(От ада придут)

От ада 1

Кто нам з рук племя вырвет и его державу,
 кто разорит, его же ад распростре славу.
 Се духи лютейшие в помощь сарацину,
 сии з брани не пустят ногу ни едину.

Како бы не имать ад его защищати,
 яко не токмо себе восхоте отдати.
 Но и все племя его в адской есть державе,
 окрестным же всем странам, паче верным яве.
 Грядите, утвердите кустодию всюду,
 аз же помоществовать с прочими буду.
 Подвигнем ветры, воды, волны возбудемо,
 бурею волн морской корабль потоплемо.

[О т а д а] 2

Разорю и, аки прах, воинов развею,
 вожду же самому их вскоре сотру выю.
 Силу мне Люципер даде магмет сохранятьи,
 даде и все¹ племя его защищати.
 Крест мне точию пристрашен бывает,
 иже ему много много побораает.

Сцена 4

(Море, корабль, на котором крест)

Волнуйте, волнуйте, корабль потопляйте,
 до берегу же ему пристать не давайте.
 л. 27 Ветры жестокие, крепко восшумите,
 волнами морскими корабль превратите.

(*Nic cantus*² на море)

Еолю[ы?], от дна моря волны возбудите,
 Воинство Гофредово, Харибды, пожрите.
 Расступитесь, Сцилли, вскоре пожирайте,
 бури водны морские корабль разбивайте.
 Се пагуба грядет, о горе! — на сарадина,
 адского Люципера возлюбленна сына.

Сцена 5

Го ф р е д

Аще бы во мне было сердце мужественно,
 яко ни Марса острым мечем посеченно,
 Аще бы глава руце в железе кипели,
 ни чтобы без тебе на врага успели.
 Боже, ты крепость, помощь, на прегордых сила,
 яже и фарсиские в море потопила
 Корабле, от нея же сил[ь]ных знемогоша
 Луки, сами, яко гной с пулями, падоша.
 В тебе Самсон тысящей³
 прочна и сокруши челюстию зубы.
 Ты Давида укрепил сам на Голиада,
 фараона во море ты потопил чада.

¹ В рукописи всем.

² Здесь следует пение (лат.).

Стил в рукописи не закончен; против него на полях поставлен крестик.

В твоей суть мадиамли [руце] сокрушенни,
 не хотящии тя в ничто истребленни,
 Ты всю мечем уст своих силу прогоняешь,
 верныя же на враги своя утверждаешь.
 л. 27 об. Се ныне имя твое гор[д]ый поношает
 Сарацин, благочестну веру истребляет.
 Тем даждь мне руку крепку, даждь помощь во брани,
 да возмогу врагом всем пресеци гортани.
 Да впредь крест твой и имя не будут хулити,
 принужденни восхотят Азию пустити.
 Даждь паки, молю тя, гордого стребити
 церковь, благочестие, веру свободити.
 Олтари бо твоя святии раскопаша,
 иконы, оле страха, ныне поругаша,
 Вместо креста твоего, щиты вознесенны
 верныи твои сыны зело угнетенны.
 (Глас с небес до Гофреда: дерзай,
 Гофреде, на брань з веры супостатом)

Что слышу? Дерзать с небес глас повелевает,
 на брань противо врагов сердце утверждает.
 Убо иду воинов собрать мужественных
 и присовокупити в вере просвещенных.
 Да не к тому неверных пребудет держава,
 пребудет в святой земле сарацинов слава.

Сцена 6

Гофред

Аще бы и довлело воинства моего,
 но да видит супостат, яко не моего
 Собственного аз ради имени и славы
 или расширения своя держава
 л. 28 Единомышленных желаю собрати,
 но яко все за веру живот полагати
 Готовы,¹ а гордого хотят истребити,
 веру, благочестие, землю свободити.
 И кто ж за веру христову не захочет умерети?
 и за благочестие главы положити?
 Не все ли за мать сыны умирают,
 не согласно ли врага за ню убивают?
 Тем мужественных в вере время собирати,
 время на верную брань сердца утверждати.

(Воини придут)

Верую христовою вожды просвещенны,
 да будут сердца ваша на брань укрепленны.
 Противо сарацина, веры супостата,
 им же обладается земля, до днесь свята.
 За веру всем умерети верным подобает,
 егда за неверствие свое умирает

¹ В рукописи готовыи.

Неверный; кол[ь]ми ж паче и нам не умрети,
 почто за мать сынам нам себе щадети.
 Дадите ми, воини мужественни, слово,
 будет ли против врагов со мною готово
 Сердце и оружие?

[Воины]

Будет.

(NB. Стол и крест на нем)

Воин 1

Основание наше есть вера Христова,
 как орудия наша не будут готова
 л. 28 об. На врага? аще же бо дадим разорити
 основание веру, то истребити
 И нас самих восхошет, тем лучше на стрелы
 пойдём со супостатом, и да будут целы
 Отчества наша. Паче вера процветает,
 и благочестие бог дары умножает.

[Воин] 2

Аще за славу нашу крови проливаем,
 за веси и за грады живот полагаем,
 Как за веру Христову не должны умрети,
 как¹ за благочестие живота щадети
 Готовы на огонь, на меч со врагом на стрелы,
 на тысящныи смерти и гор[ь]кие сери.
 Во знамение сие крест сей лобызаю,
 твое намерение, Гофреде, сполняю.

[Воин] 3

Главы имама своя в брани положити,
 да токмо неверствие нам бы скоренити,
 Тем тебе верность нашу мы все изъявляем,
 егда крест в знамение веры лобызаем.

[Воин] 4

Мы—воини, у нас меч на брань изощренны,
 на врага яростию всякий распаленный,
 Готовы наипаче за веру умрети,
 готовы на бранех главы положити
 Се крест Христов верно лобызаем,
 и за благочестие живот полагаем.

л. 29

[Воин] 5

Не жалею за веру под меч выю дати,
 готов тебе на бранех помоществовати,
 Буди в знамение крест, иже лобызаю,
 и за благочестие готов, умираю.

¹ В рукописи кой.

[Воин] 6

Даждь, боже, и умрети за веру христову,
даждь за церковь святую мне быти готову.
Смерть мне живот будет, умереть мужественно,
умреть за веру святу в бранех мужественно.

Гофред

Радуюся всем сердцем, яко бог собрати
единомысленных мне в своей благодати
Подаде; тем в тимпаны и гусли воспойте,
на веселии нашем вскоре скок устройте.

(Скок малых)

Сцена 7

Роскошь (до воинов)

Коль благо, коль приятно изобил[ь]но жити,
в сластех, нежели в крови на бранех, ходити.
Вместо меча, кровию в руках обагренна,
носить крын, красотою всюду испещренна.
Пир Марса, плачь прегор[ь]кий, вместо хлеба пуле,
вместо пресладких снейдий стрелы дают в туле,
Питие — кровь едина, радость — огонь и сери
в кровавые одеваает в бране Марс порфири.
л. 29 об. День — ночь, свет — тма на бранех бывает,
брат брата превеликой тмы ради не знает.
Сладость же — рай есть, радость процветает мира,
источник сладчайшего медоточна пира.
Сладость кровоточных браней на Марса свирепа
не весть; на огонь воински и на сери слепа.
Тем почто кровоточных браней вам желати,
в гор[ь]кое рыдание себе отдавати.
Аз всем определю, где кто имать быти,
определю, кто имать в роскоши пожити,
Мне точию, не Марсу, воини, служите,
оружия вся своя на страну верзите.
(Отметають оружия, и посаждает их Роскошь разню)

Воин 1

Во брани от великой жажды треба вмрети
и разнею кровию Марса утомити.
Ныне жажды не имам, всегда торжествую,
скорбь нем, что скорбь есть, пресветло ликую.

[Воин] 2

Меч, аще и золотый, но смерть в себе крыет,
в огни Марса свирепа не един истлеет.
Ныне аз доволен, страха не боюся,
меча и стрел летящих зде не устрашуся.

[Воин] 3

Ит[т]и на брань со врагом, смерть в очесах зрети,
 ни единыя уже роскоши имети,
 Ныне в очесах моих аз не смерть имею,
 в руках моих сладостей чашею владею.
 л. 30 Вся готова имама, убо торжествуйте,
 оставивше брань с врагом, пресветло ликуйте.

(Бахус сидит)

Сцена 8

Гениуш Гофредов

Где великодушие? Яко прежде брани,
 не Марсу, но сластем служити дали длани.
 Где имя воинское? Где ваша держава?
 тако ли успе ваша всей роскоши слава?
 Откуда воин имя? Яко брань творити
 должен, а творящего пуле кровь испити
 Требе; испити огня и прегор[ь]кой сери,
 воспримать¹ летящие тысящные стрелы,
 Откуда воин, страшный в брани супостату,
 яко меч держит в руках, а не чашу злату.
 Яко гордые врагов главы сокрушает,
 выя вознесенная в крови попирает?
 Откуда честь и славу в отчестве имеет,
 яко за отчество дать себе не жалеет?
 Вы каковы² воины? Кая храбрость ваша?
 сия ли от роскоши данна вама чаша?
 Прежде лобызали крест веру свободити,
 неверствие от земли святой скоренити,
 А ныне бедным сластем служить восхотесте,
 орудия своего zde есть позабысте.
 Рассудите, что есть роскошь, что вера христова,
 вера ко бессмертию вознести готова.
 л. 30 об. Сладость же отрута есть, яже умерщвляет,
 сладким своим питием живот пресецает.
 Тем орудия ваша паки воспримите,
 великодушие и храбрость обновите,
 Грядите мужественно, брань начнем творити,
 не пощадим своя за веру излити
 Крове; бог помощь даст нам, на врага победу,
 поженем³ их со богом, яко не познают следу.

(Брань)

¹ В рукописи воспримать.

² В рукописи каковые.

³ В рукописи пожене.

Акт 2

Антипролог

(Час вся разоряет)

А з и я

Паки, паки во скорбех, бедна, пребываю,
 слезами дни и нощи лице умываю.
 Паки, вместо креста, мне луну принуждает
 держать; вместо же веры в ушеса влагает
 Неверствие; довлеет самую ругати
 мене; почто ж святую веру спровергати?
 Как не жаль, егда в блате злата диадима
 лежит, или порфира зело прелюбима?
 Венец преукрашени добротами — вера,
 а благочестие есть дражайша порфира.
 Как же в сердце прегор[ь]кой не будет печали.
 яко сарацини вся сил¹
 Убося иногда трепет приять з брани,
 егда князь Гофред ему пулями гортани
 л. 37 Наполнил; и воинству его сотер выя
 и когда бы, глаголю, мне муж таковыя
 Был силы и крепости, иже свободенну
 сотворил бы мене той и от враг спасенну.
 Христос крепость и сила помоществовати
 готов есть тщащемуся веру сохранятьи.

На де ж да

Господь тебе на радость изведет воскоре,
 паки на первом чести посадит престоле
 Мужем славы бессмертной силы таковыя,
 яко гордого сотрет супостата выя.
 Вспомяни Израиля, лютейшим гонима
 фараоном, вскоре же вождем свободима
 Моисеем, и тя будет от враг свободивый,
 будет по тебе скорбной и вере ревнивой.
 Точию не болезнуй, прожени печали,
 дабы тебе более тыя не утесняли.

А з и я

Сие наипаче мне сердце растерзает,
 Яко, иде же бе свет, тамо тма сияет.
 Во мне свет правды вечной первие бываше,
 Иже тма неверствия словом прогоняше.
 А ныне ношь велика луны умножися,
 солнце светло христовой веры помрачися.
 Земля моя святая светом просвещенна
 благодати, и паче всех была²
 л. 37 об. Ныне ю неверствие врага помрачило,
 свет во тму темной нощи превратило.

¹ Стих не закончен; против него на полях поставлен крестик.² Стих не закончен; против него на полях поставлен крестик

Надежда

Потерпи мало, будешь, будешь просвещенна,
из тмы неверствия во свет изведенна.
Яко болезнь лютую не скоро прогнати,
тако тму неверствия враг твоих разгнати.

Сцена 2

Европа

(При ея престоле воини будут)

Еда ли не болезнь мне, еда не печали,
яко Азиєю днесь врази зобладали.
Як не имам утробу свою растерзати,
зане под орудием сестра мне и мати
Гордого супостата и не видит света
от множества неверствий чрез многие лета.
Отраднее¹ во узах Иосиф седяше,
Израиль по пустыни много лет хождаше,
А Азия пребедна, врагу покоренна,
веригами по рукам, по ногам сплетенна,
Не им места, где бы Христу честь воздати,
разорили, разорили место супостаты.
Нежель якобы оттуду вскоре ю сторгнути,
куда пристать, обрести к ней не могу пути.

(Сядет на престол)

Памятствую, яко честь во моей державе
мужествен, крепок, силен во бессмертной славе.
л. 32 Но его не вем в лице, скорби моей ради,
между же прочими во мне прозрю чады
(Броси луны, и един от воин переломит)

Гигас (ланцус² в руке левой)

Кто Азию от рук моих дерзнет свободити
и кто мене принудит от уз ю пустити?
Нест во мире такова;³ поне обладаю
премногими странами, в силе процветаю.
Храбрость мою повсюду мир весь окрест знает,
мои руке и крепость моя обладает.
Ун же Европа хощет противо мне стати?
уне тшится Азию бедна истерзати?
И кто з ея героев со мною на брани
станет? и кии в крови плавати гортани
Будут? Узрим, и уне вера защищати
его будет, или Европа мати?

Герой Европы

Доколе, тмо геены, супостата веры,
славы европейской терзаешь порфиры?

¹ В рукописи отраднее.

² Ланцус (?) — цепь (укр.).

³ В рукописи такового.

У тебе пребедная Азия рыдает,
и еще ж дерзость творя Европу ругает.

(Усече руку левую)

Сцена 3

С м е р т ь

Иногда и аз сил[ь]ных в мире побеждала,
героев мужественных трупом полагала.
л. 32 об. Славен бе Александер торжеством повсюду,
яко несть его ныне, се же есть откуда
Аз сие творю, в брани храбрых сотираю,
сею косою многих, многих полагаю.
Самсон, глаголют, сил[ь]ный, иже побеждаше
тысящей фелистимов¹ и их прогоняше
Ослею челюстею главы сокрушая,²
острые их ногами мечи попирая.
Но аз его мужество, крепость сокрушила,
с прочими крепкими во гроб низложила,
И ныне кто противо мне, пресил[ь]ной, станет,
аки крын от мороза, воскоре увянет.

Г е р о й (противо смерти выдет)

Укрепи мя, о боже, на прегордых силы,
хощу точию, дабы Азию пустили.
Иде же нозе твои святии стояли,
дабы тамо вернии твои пребывали,
Не во век бо враждуешь,³ аще покоренной,
восхотел еси быти, от враг утесненной.

С м е р т ь

Сей мне противостанет в бранех и на море,
но истреблю аз его, истреблю воскоре.

Сцена 4

Г и г а с

¹ Фелистимов написано над строкой другими чернилами, вместо ранее бывшего враждуешь.

² Этот стих написан теми же чернилами, что и слова, указанные в предшествующем примечании.

³ Это слово вписано теми же чернилами.